

Присоединение Северной Монголии к России: геополитический передел монгольского мира в XVII–XVIII вв.

Борис Базаров

Annexation of the Northern Mongolia to Russia: geopolitical partition of the Mongolian world in the XVII–XVIII centuries

*Boris Bazarov (Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude)*

Значительная часть монгольского мира (свыше полумиллиона квадратных километров), носившая название Ара-Монгол, во второй половине XVII – первых десятилетиях XVIII в. оказалась в составе российского государства. К этому привела логика крушения мир-системных связей этого региона, сопровождавшаяся формированием множества разрозненных объединений. Деградация политического устройства кочевого мира привела к формированию нового регионального порядка. Различные территориальные объединения складывались в несопоставимой исторической обстановке, а существование трансграничных конгломератов только рельефнее подчёркивало центробежные характеристики этого сложного геополитического процесса.

Формирование монгольских территорий в Центральной и Восточной Азии явилось результатом сложных процессов эволюции основных мировых центров¹. Доминирование кочевых сообществ, продолжавшееся почти полтора тысячелетия, завершилось распадом Монгольской империи. Огромный ареал монгольских народов стал объектом передела, оказался в сфере интересов новых государств и сообществ, а инерция распада обладала такой тектонической мощностью, что не позволила сложиться новому созидательному политическому центру кочевой цивилизации. Эта децентрализация и деградация монгольской мировой системы стала лейтмотивом глобального геополитического разделения мира Евразии.

Период «малых ханств» XVI–XVII вв. характеризовался появлением множества государственных и полугосударственных объединений, ханы которых находились в ситуации сложнейшего выбора между консолидацией в единое государство и собственными групповыми и региональными интересами². Эта сложная амальгама идей и интересов не имела ничего общего с прежней историей Монгольской империи. Возможно, что и сам дух империи стал слишком тяжёлой политической ношей для политических элит. Деградация сделала

© 2017 г. Б.В. Базаров

¹ Холл Т. Монголы в мир-системной истории // Холл Т. Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004. С. 153–157.

² Хишигжаргал Г. О судьбах монгольского мира: по указам императоров династии Цин (1640–1728 гг.) // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 8. Востоковедение. Улан-Удэ, 2012. С. 236.

невозможным объединение страны, тем более что, как бы повторяя ошибки своих прежних исторических жертв, даже в условиях враждебных отношений между территориями каждый из местных лидеров стремился выжить и развиваться самостоятельно.

Южная территория монгольской ойкумены, при видимом доминировании Чахарского ханства, делилась на несколько полувисимых ханств. В Северной Монголии находились Тушету-ханство, Сэцэн-ханство, Дзасакту-ханство, в конце XVII в. Сайн-нойон-ханство, в Западной утвердилось государство Алтан-ханов. В самом начале XVII в. здесь возникло крупное Ойрато-Джунгарское ханство. Мир и дружеские соглашения покинули распавшиеся территории монгольского ядра прежней кочевой империи. Реальностью стала напряжённая борьба разных внутригосударственных объединений за лидирующее положение в Великой степи, окончательно истощившая остатки её былого могущества.

Молодое и мощное маньчжурское государство, используя эти противоречия, сумело утвердить своё положение в монгольском мире и, употребив древнее правило «разделяй и властвуй», использовало противоречия между конкурентами³. Распад монгольского сообщества приобрёл необратимый характер, значительная часть территорий, даже не заявляя о собственной автономии, стала самостоятельно распоряжаться ресурсами бывшего государства.

Следует отметить, что земли, ныне входящие в восточно-сибирскую окраину Российской Федерации, в тот период считались периферией политического мира Восточной Азии, придатком настолько естественным, что никто в империи традиционно не считал необходимым обращать большое внимание на происходящие в этих «диких» лесостепных зонах процессы. Не случайно в тот момент, когда территории северных окраин монгольского мира вслед за усилением ойратских политических объединений стали тяготеть к самоопределению, обратная связь между ними и политической элитой бывшей империи не сработала. Появление молодых и самостоятельных халхасских и бурятских этнических образований довершило картину внутривнутриполитического размежевания монгольских народов и государств.

В отечественной историографии выделяется несколько этапов маньчжурского завоевания монгольского пространства – Южной Монголии, Халха-Монголии и Западной Монголии⁴. На этой основе делался вывод о соответствующих периодах освободительной антиманьчжурской борьбы монголов⁵. Соглашаясь в целом с таким подходом, отметим, что любое движение в столь сложном историческом процессе нельзя трактовать однозначно, тем более что речь идёт об истории кочевников. Каждый шаг маньчжурского завоевания был поступателен, безошибочен с точки зрения стратегии, опирался на глубокое понимание завоевателями проблем монгольского трайбализма и разобщённости степных народов. Маньчжуры рекрутировали всё больше новых союзников из покорённых народов, противопоставляя друг другу бывших друзей

³ Горихова Г.С. Очерки по истории Монголии в эпоху маньчжурского господства (конец XVII – начало XX в.). М., 1980. С. 7; Lattimore O. The Social history of Mongol nomadism. L., 1957. P. 431.

⁴ Ермаченко И.С. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М., 1974. С. 25, 69, 177.

⁵ Чимитдоржиев Ш.Б. Национально-освободительное движение монгольского народа в XVII–XVIII вв. Улан-Удэ, 2007. С. 138.

и единомышленников. Одновременно они осуществили покорение Китая, двигаясь исторической тропой, проложенной Чингисханом и Хубилаем, создав, таким образом, новую маньчжурскую парадигму монголо-китайского государства в Восточной Азии. Падение маньчжуров, казалось, было предопределено демографическим дисбалансом на управляемой ими территории (немногочисленностью завоевателей), но их политическая воля и управленческие умения сыграли решающую роль в подавлении региональных этнических групп.

Необходимо правильно оценить тот факт, что каждый из этапов маньчжурского продвижения характеризовался усилением его тылов, и практически в течение полутора веков этот почерк мало менялся, обнаруживая удивительную стратегическую последовательность, тактическую подвижность, а главное — высокую эффективность. Нужно ещё раз отметить не только знаменитую челночную политику маньчжуров, но и правильно синхронизировать деятельность различных территорий монгольского мира в период завоеваний. Можно обратить внимание на то, как складывалась ситуация с чахарскими территориями Южной Монголии. С 1616 по 1636 г. продолжалась затяжная схватка маньчжуров и южных монголов во главе с чахарским Лигдэн-ханом. Фактически не только за счёт умелых военных действий, но и за счёт знания тонкостей наследования в среде кочевников и особенностей внутриплеменного расклада эта борьба завершилась в пользу маньчжуров⁶. Затем в союзе с южными монголами они захватили прилегающие китайские территории. Южная Монголия фактически признала маньчжурское государство и в дальнейшем выступала как её составная часть. Затем, с 1637 по 1691 г., в результате полной драматизма борьбы маньчжуры покорили внешнюю Монголию, а на обратном ходу — территорию Китая времён Хубилая⁷. Шедшая с конца XVII в. до середины XVIII в. затяжная война в Западной Монголии также завершилась их успехом. Войны в Джунгарии и Халхе недостаточно рассматривать как национально-освободительные — это было завоевание независимых государств в рамках маньчжурской доктрины нового китайского государства.

Усиление маньчжурского давления на территорию монгольских ханств, аннексия маньчжурами значительного пространства и небывалое продвижение в Центральную Азию — всё это вызвало стремление к освободительному движению, серию драматичных столкновений, битв и сражений, ещё плохо описанных в российской историографии. Затянувшийся ойрато-халхасский конфликт конца XVI — начала XVII в., то разгораясь, то затихая, привёл к стремительному ослаблению монгольских государств, а калейдоскопическая смена политических лидеров — к окончательному падению авторитета власти, что только усилило позиции маньчжурского государства.

В этих условиях окраинные этносы были вынуждены искать выходы из сложившегося тупика. В сложной политической ситуации неожиданно проявились новые пути, которым было суждено стать магистральной перспективой, определившей судьбы народов монгольского мира. И в этом плане показательна судьба Северной Монголии, более известной в современном мире как Бурятия.

Продвижение казаков в Сибирь, в начальный период спонтанное и стихийное, быстро приобрело характер продуманной политики освоения Российским государством громадной территории. Не останавливаясь на её оценке

⁶ Горохова Г.С. Указ. соч. С. 7–9.

⁷ Чимитдоржиев Ш.Б. Указ. соч. С. 108–117.

и деталях, отметим, что этот государствообразующий процесс, включавший присоединение обширных земель «братских народов», как называли бурят русские первопроходцы, был весьма сложным и неоднозначным, но при этом непрерывным и поступательным.

Созданные на территории Забайкалья Удинский, Селенгинский, Баргузинский, Нерчинский, Иркутский и другие остроги образовали сеть военных укреплений, обеспечивших контроль над территорией края. Но уже в скором времени они стали административно-политическими и торгово-экономическими центрами⁸. Построение острогов, появление вокруг них заимок служилых людей и пашенных крестьян способствовали оживлению торгово-меновых и бытовых отношений между бурятами и русскими. Мирный диалог с бурятским населением, взаимное проникновение культур фактически определили волю народов, завершив процесс присоединения Бурятии к Российскому государству. В развивавшемся геополитическом противостоянии в Восточной Азии опора на складывавшиеся мирные отношения с местными этническими объединениями сыграли для России решающую роль.

Присоединение территории этнической Бурятии к России продолжалось целое столетие. В отечественной историографии сложились различные, подчас противоположные оценки характера и последствий этого процесса. В дореволюционной литературе доминировала концепция «завоевания» новых земель, а интеграция новых территорий в состав Российской империи отождествлялась с колонизацией, проводимой Европой в отношении Азиатского и Африканского континентов. В советской историографии 1920–1930-х гг. освоение Сибири трактовалось как колонизация, продиктованная классовой политикой царизма. В 1940-е гг. при позиционировании царской России как огромной тюрьмы народов, самодержавная власть противопоставлялась «России народной» — многомиллионному крестьянству, установившему прочный дружеский союз с бурятским народом. В 1960–1970-е гг. стал утверждаться тезис о добровольном присоединении Бурятии к России⁹. Современные исследователи приходят к выводу о том, что буряты не были завоёванным народом¹⁰: в сложных геополитических условиях они сделали самостоятельный исторический выбор, определив своё развитие в рамках Российского государства. Разные этнополитические группы и союзы могли на разных этапах ориентироваться на Джунгарское государство, покоряться нарастающей мощи маньчжур, настаивать на халхасском союзе или стоять на позициях «самостийности». Но в целом именно Россия стала консолидирующим фактором в истории региона.

Это положение не противоречит главному тезису российской историографии о покорении, завоевании и колонизации Сибири, а лишь подчёркивает пестроту и сложность процесса. Заметим, что на освоение сибирского пространства двинулись не государственные структуры, не оснащённые царским доверием дипломаты и чиновники, не регулярная армия, а подвижные купеческо-казацкие группы, придерживавшиеся тактики стихийного присоединения земель. Подавляющее большинство из них не знали ни Родины, ни флага. Настроения таких групп были сродни знаменитому в последующем «духу Клондайка». Они не шли за «землёй обетованной», не искали «землю и волю», не хотели создавать новых государств. Надо понять состояние души многих из

⁸ Залкинд Е. М. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ, 1958. С. 33.

⁹ Там же. С. 5, 20, 114.

¹⁰ Бураева О. В. Проблема присоединения Бурятии к России // Власть. 2012. № 12. С. 83.

этих удивительных каперов-подвижников, которым не стоило большого труда сходить в разбойничий набег за «зипунами» куда-нибудь в Персию, пожить-ся на «большой дороге» за счёт неосторожных купцов, вступить в бой за свой небогатый скарб. Дух казачьей вольницы был скреплён десятилетиями воинского братства. Пример Ермака Тимофеевича, сложившего голову в таких походах, как будто прорвал уральскую плотину: десятки и сотни отрядов отправились искать счастья на огромных сибирских просторах. Стихийный поток постепенно начал регулироваться купеческим сословием, которое размечало пути следования лихих людей. И только затем резко усилилась регулирующая роль государства.

Приход русских в Приангарье и на Верхнюю Лену, непосильные поборы ясака, погромы казачьими отрядами улусов, произвол и притеснения со стороны администрации острогов дали мощный дополнительный импульс к сплочению всего населения Предбайкалья. Особенно остро чувство единства проявилось в середине 1640-х и начале 1650-х гг., когда буряты сообща стали подниматься на крупные вооружённые восстания. Одновременное участие в верхоленском восстании булагатов, эхиритов, батулинцев, ашебагатов, хонгодоров, других племён и родов, формирование ими объединённых отрядов численностью до 2 тыс. человек, несомненно, свидетельствуют о существовании западнее Байкала коалиции племён. Об этом же убедительно говорят и ангарские события. В то же время актуальным остаётся мнение Е.М. Залкинда и Л.Р. Павлинской о том, что дополнительным фактором укрепления чувства национальной общности явилось объединённое сопротивление монгольским вторжениям и охрана границ¹¹. Обещание, а затем исполнение угрозы побить русских на реках Белой и Голоустной показывает, что предбайкальцы в понятие «родина» включали всё Предбайкалье, а не только территории отдельных родов и племён.

Здесь будет уместно подчеркнуть, что существовавшее некогда мнение о неразвитости бурятских племён и объединений перед присоединением к России¹² не выдержало проверки на научную состоятельность. Оно отражало недооценку степени распада и деградации монгольской мир-системы. Социально и политически угнетённое и депрессивное состояние монгольских (в том числе и бурятских) этнических сообществ, их постоянная и разрушительная конкурентная борьба привели к дезинтеграции, когда за выживание сообщества могли отвечать только дисперсно расположенные и замкнутые группы бывших кочевников. Вместе с тем вооружение бурят того периода соответствовало высокому уровню феодализации общества и воинской идеологии. Но вся эта энергия затрачивалась на преодоление внешних угроз и межплеменных распрей.

Если учесть, что всё русское население Северной Азии в конце XVII в. не превышало 20 тыс. человек (что сопоставимо с численностью одного только крупного сибирского народа — бурят), то становится понятной сложность задачи русской администрации — привести в подданство и «объяснить» бурятские

¹¹ Залкинд Е.М. Указ. соч. С. 164; Павлинская Л.Р. О роли и значении младоэтносов в формировании пограничной политики Российского государства в Байкальском регионе в конце XVII — начале XVIII веков // Исторический опыт взаимодействия народов и цивилизаций. Сборник научных статей. Улан-Удэ, 2001. С. 28.

¹² Залкинд Е.М. Указ. соч. С. 17–18; Егунов Н.П. Бурятия до присоединения к России. Улан-Удэ, 1990. С. 69.

роды и племена. В социально-экономическом отношении буряты были одним из наиболее развитых сибирских этносов, часто оказывали серьёзное военное сопротивление, выставя сотни хорошо вооружённых, но почти не имевших огнестрельного оружия всадников. Бурятская аристократия сама получала ясаk со своих южносибирских данников и вовсе не была готова при первом появлении русских отрядов отказаться от него, да ещё и начать покорно отдавать «мягкую валюту» пришельцам. Для этого требовались очень веские причины.

События XVII в. застали бурят в состоянии раздробленности. У них отсутствовала не только государственная организация, но и федеративное объединение племён и родов. Их сопротивление русским экспедициям иногда было успешным, но в итоге они вынуждены были мириться со строительством острогов, утратой данников и «объясачиванием». Сами буряты до присоединения к России были данниками халха-монгольских правителей и жертвой постоянных набегов монголов и джунгар. Принимая русское подданство, они получали военную защиту от беспокойных южных соседей. К тому же, поскольку ещё в течение многих десятилетий российско-монгольская граница была нестабильной и проницаемой, отдельные бурятские племена или роды в случае обострения отношений с властями могли полностью или частично мигрировать и, действительно, часто перекочёвывали за российские пределы, но по прошествии какого-то времени, вновь взвесив «за» и «против», возвращались на север.

Ещё одна веская причина, обусловившая относительно мирное вхождение бурят в состав России, — выгоды российско-бурятской торговли, постепенное включение в общероссийский рынок, предоставлявший в обмен на пушнину и продукты животноводства достаточно разнообразную и дешёвую промышленную продукцию, во многом превосходившую товары из Монголии и Китая. К тому же буряты в тот исторический период оказались фактически отдалены от Восточной Азии огромным пространством Монголии. Важную роль сыграла и неупорядоченность торговли в Центральной Азии¹³.

Дополнительное изучение проблемы присоединения Бурятии к России показало справедливость сложившегося в российской историографии положения о добровольном характере присоединения бурят. Несмотря на то, что этот процесс занял долгий период, в его рамках замечен резкий перелом в настроениях бурятских родов и племен Предбайкалья, самостоятельно определившихся с выбором. Фактическое их присоединение позволило Российскому государству нарастить активность на рубежах Дальнего Востока и Восточной Азии.

После заключения Нерчинского договора (1689 г.) российско-китайская граница фактически отсутствовала по крайней мере около 30 лет. Буряты, ставшие российскими поданными, не будучи стеснёнными в миграциях и контактах, значительно расширили свои кочевья. Положение изменилось, когда российский посланник С. Владиславич-Рагузинский заключил с представителями Китая в августе 1727 г. Буринское соглашение, а в июне 1728 г. — Кяхтинский договор. Эти акты чётко определили русско-китайскую границу от Аргуни до истоков Енисея. Крупные миграции бурят и монголов с того времени прекратились¹⁴, и этническая картина в Забайкалье стала заметно более

¹³ Базаров Б.В. К 350-летию присоединения Бурятии к России: исторический опыт взаимодействия народов и цивилизаций XVII–XIX вв. // Исторический опыт взаимодействия народов и цивилизаций. Сборник научных статей. Улан-Удэ, 2011. С. 9.

¹⁴ Залкинд Е.М. Указ. соч. С. 113.

стабильной. Стоит подчеркнуть, что бурятское население не только не сопротивлялось этим мерам российского правительства, но проявило полную лояльность, о чём Владиславич-Рагузинский дал без преувеличения восторженный отзыв¹⁵.

Так завершился растянувшийся на столетие процесс присоединения Байкальской Сибири к Российскому государству, ставший переломным событием в истории Бурятии и её коренных народов. Все культурные, экономические и политические связи Бурятии с этого момента в значительной степени были переориентированы с юга, Монголии и Китая, на север и запад.

Буряты приобщились к новому уровню экономического развития, земледельческому и промышленному труду, успешно развивали животноводство и промыслы. Они постепенно переходили от кочевого образа жизни к полuosедлому и оседлому. Бурятская культура оформилась на стыке выдающихся цивилизаций мира. Войдя с багажом буддийской религии и культуры в состав Российского государства, буряты освоили письменность, образование, науку, медицину, литературу и искусство. В этом отношении непреходящее значение имела русская культура. В свою очередь, кочевая культура не только наложила печать на общее развитие бурятского народа, но и повлияла на активизацию диалога культур Запада и Востока¹⁶.

Итак, центробежные силы привели к разрушению сначала Монгольской империи, а затем и отдельных монгольских государств. Процессы деления продолжались даже тогда, когда государственность была полностью утрачена, а племена и народы в течение длительного времени находились в составе других государств. Истощённые в междоусобной войне монголоязычные племена и народы вставали под знамёна соседних государств. Бывшие завоеватели-кочевники перестали быть реальной угрозой и превращались в мощную заставу на оголённых рубежах новых государств, образуя воинственный заслон на их границах.

В составе Российского и Китайского государств монгольским народам удалось преодолеть инерцию распада, приобрести новую способность к консолидации, восстановить и увеличить свою численность. Эти территории сохраняли особый статус, самобытность и традиционную культуру. Развернувшаяся к концу XIX — началу XX в. борьба за влияние в Центральной и Восточной Азии, нарастающая волна революционных процессов, наряду с ослаблением и Российской империи, и Китая значительно изменили положение монгольских народов и выдвинули на первый план вопрос об образовании суверенного государства. Начался процесс автономизации монгольских народов в СССР и Китае.

Монголоязычные народы, волею исторических судеб расположившиеся на огромных степных просторах, в XX в. совершили громадный цивилизационный рывок, приобрели устойчивую способность к саморазвитию, конкурентоспособность в рамках развитых государств. Всё это ещё раз подчёркивает необходимость и актуальность дальнейшего изучения их истории.

¹⁵ Павлинская Л.Р. Указ. соч. С. 29.

¹⁶ Базаров Б.В. Указ. соч.